

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Заметки об эпистемологических структурах онтологизации, объективизации, реализации

1. Весь круг этих проблем должен теперь рассматриваться в свете важнейшего для нас различения двух пространств: пространства *действительности* мышления-знания и пространства *реального* мышления и деятельности. Особый вопрос куда и как помещать коммуникацию.

Суть всех этих проблем для нас во многом определяется тем, что во всякой работе, и в методологической в особенности, мы постоянно должны переводить действительность нашего мышления в реальность нашей деятельности и обратно, реальность деятельности в действительность мышления, этим и окрашиваются все наши проблемы.

2. Начинается все с того, что мы определенным образом разрезаем деятельностные схемы, с которыми работаем, и объявляем, что одна их часть будет принадлежать *реальности* нашей деятельности и мышления, а другая *действительности* нашей мысли и деятельности (схема 1).

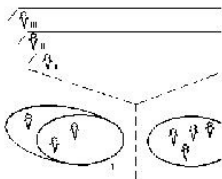

Схема 1

Если, скажем, я объявляю, что займу позицию II и буду работать в ней в определенных кооперативных связях с позиционерами I и III, и при этом *объектом моих исследований*, а потом и практических воздействий будут люди в ситуациях 1 и 2, то тем самым я практически провожу границу между тем, что составляет реальность моей деятельности в данном случае исследовательской и тем, что принадлежит действительности моего мышления.

3. Когда все это объявляется и, тем более, когда это обсуждается, то все, естественно, находится в *действительности* рефлектирующего и планирующего мышления, но в процессе самого мышления все то, что зафиксировано и представлено на схеме и составляет действительность мысли, разбивается на две части сообразно будущим перспективным линиям нашей работы: одна часть объявляется тем, что станет для нас самой реальной деятельностью, тем, что мы будем уже не представлять, а делать, а другая часть объявляется тем, что будет оставаться для нас в действительности мышления, если мы будем мыслить, или же *станет объектом деятельности*, если мы будем действовать.

Таким образом, здесь намечаются две принципиально разные линии жизни для тех двух частей, которые мы задали на исходной ориентальной схеме: одна часть будет переходить, превращаться в *реальное мышление* или в *реальную деятельность*, а другая будет становиться объектом мышления или объектом деятельности.

Здесь важно отметить, что понятия *объект мышления* и *объект деятельности* являются нетрадиционными и требуют самого тщательного анализа. Это именно объекты, а не предметы и, обозначая их таким образом, мы фиксируем определенные законы их жизни: их превращение в объекты мышления и в объекты деятельности требует совершенно специфических механизмов и технологических правил работы. Но вместе с тем мы пока не обсуждали отношений между действительностью мышления и деятельности, с одной стороны, и объектами мышления и деятельности с другой, к этому надо будет еще вернуться.

4. Здесь, конечно, возможен и более тонкий вариант анализа. Все, заданное ориентальной схемой, делится не на две, а на три части: 1) то, что я буду реализовывать своей собственной деятельностью, 2) то, что будет реализовывать своей деятельностью другие участники нашей совместной кооперативной работы, и, наконец, 3) то, что будет оставаться в действительности нашей

Г.П.Щедровицкий

Заметки об

эпистемологических

**структурах онтологизации,
объективации, реализации**

1. Весь круг этих проблем должен теперь рассматриваться в свете важнейшего для нас различения двух пространств: пространства *действительности* мышления-знания и пространства *реального* мышления и деятельности. Особый вопрос куда и как помещать коммуникацию.

Суть всех этих проблем для нас во многом определяется тем, что во всякой работе, и в методологической в особенности, мы постоянно должны переводить действительность нашего мышления в реальность нашей деятельности и обратно, реальность деятельности в действительность мышления; этим и окрашиваются все наши проблемы.

2. Начинается все с того, что мы определенным образом разрезаем деятельностные схемы, с которыми работаем, и объявляем, что одна их часть будет принадлежать *реальности* нашей деятельности и мышления, а другая

действительности нашей мысли и деятельности (схема 1).

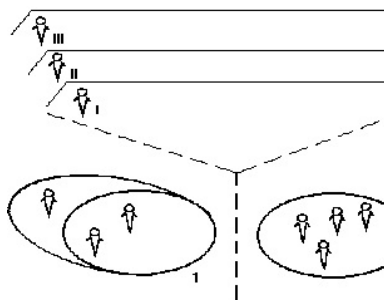

Схема 1

Если, скажем, я объявляю, что займу позицию II и буду работать в ней в определенных кооперативных связях с позиционерами I и III, и при этом *объектом моих исследований*, а потом и практических воздействий будут люди в ситуациях 1 и 2, то тем самым я практически провожу

границу между тем, что составляет реальность моей деятельности в данном случае исследовательской и тем, что принадлежит действительности моего мышления.

3. Когда все это объявляется и, тем более, когда это обсуждается, то все, естественно, находится в *действительности рефлектирующего и планирующего мышления*, но в процессе самого мышления все то, что зафиксировано и представлено на схеме и составляет действительность мысли, разбивается на две части сообразно будущим перспективным линиям нашей работы: одна часть

объявляется тем, что станет для нас самой реальной деятельностью, тем, что мы будем уже не представлять, а делать, а другая часть объявляется тем, что будет оставаться для нас в действительности мышления, если мы будем мыслить, или же *станет объектом деятельности* , если мы будем *действовать* .

Таким образом, здесь намечаются две принципиально разные линии жизни для тех двух частей, которые мы задали на исходной оргдеятельностной схеме: одна часть будет переходить, превращаться в *реальное мышление* или в *реальную деятельность* , а другая будет

становиться объектом мышления или объектом деятельности.

Здесь важно отметить, что понятия *объект мышления* и *объект деятельности* являются нетрадиционными и требуют самого тщательного анализа. Это именно объекты, а не предметы, и, обозначая их таким образом, мы фиксируем определенные законы их жизни: их превращение в объекты мышления и в объекты деятельности требует совершенно специфических механизмов и технологических правил работы. Но вместе с тем мы пока не обсудили отношений между действительностью мышления и

деятельности, с одной стороны, и объектами мышления и деятельности с другой; к этому надо будет еще вернуться.

4. Здесь, конечно, возможен и более тонкий вариант анализа. Все, заданное оргдеятельностной схемой, делится не на две, а на три части:

1) то, что я буду реализовывать своей собственной деятельностью, 2) то, что будут реализовывать своей деятельностью другие участники нашей совместной кооперативной работы, и, наконец, 3) то, что будет оставаться в действительности нашей мысли и деятельности и вместе с тем переходить в объекты

мыслительной и практической деятельности.

Таким образом, главный вопрос в одном: как теперь то, что мы мыслили и представляли себе в оргдеятельностных схемах, а значит, в действительности нашего самоопределения, будет преобразовываться и переходить, во-первых, в *реальное осуществление* нашего собственного мышления и деятельности, во-вторых, в *систему наших взаимодействий* с другими кооперантами и коммуникантами, в-третьих, в *объекты нашего мышления и нашей деятельности*

(либо индивидуальные, либо коллективно-групповые).

Рассматриваем все эти моменты последовательно.

5. Реальное осуществление мышления и деятельности после того, как выбрана *позиция* , а вместе с тем и *тип мышления и деятельности* , проходит в соответствии с *образцами и нормами* этого мышления и деятельности. Здесь, следовательно, основной вопрос: как мы, ориентируясь на эти образцы и нормы, строим эту деятельность в одних или других ситуациях.

6. Поскольку эта деятельность проходит в рамках организаций при определенных проектах, программах и планах и при определенном взаимодействии с другими исполнителями и соисполнителями, то и все эти аспекты и стороны мышления и деятельности тоже должны переводиться из *действительности мышления* , производимого при *самоопределении* , в реальность мышления и деятельности и в реальность дополняющих их взаимодействий с другими *членами организации* . Здесь возникает очень сложный круг вопросов, которые мы в последнее

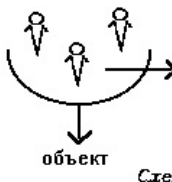
время интенсивно обсуждаем, вопросов, касающихся самоопределения вообще, в организации и в ситуации в частности, учета целей организации при выдвижении и формулировании своих собственных целей и т.д. и т.п.

7. Но меня сейчас во всем этом движении интересует больше другое: во-первых, преобразования и трансформации исходной оргсхемы в процессе перехода от самоопределения на оргсхеме к какой-либо выбранной на ней позиции и начало самой работы в позиции, а во-вторых, способы введения и задания объектов для тех

деятельностей и того мышления, которое мы будем осуществлять в выбранной нами позиции.

Исключительно важно и принципиально, что оргсхема уже содержит (или должна содержать) изображение всего того, что попадает в мир объектов, и в этом плане она уже является целиком или в какой-то своей части *онтологической схемой* (или может быть использована в качестве онтологической схемы). Какая часть исходной оргсхемы станет онтологической схемой, зависит от того, какую именно позицию мы займем: если мы останемся в

позиции внешнего наблюдателя, то вся оргсхема может быть превращена в объектную или предметную схему; если мы становимся в какую-то из «внутренних» позиций, то граница между тем, что будет отнесено к деятельности (нашей собственной или к окружающим ее структурам, в которые мы должны вписаться), а что к объекту или предмету нашей деятельности, определяется каждый раз целями (или задачами) деятельности и ситуацией (схема 2).

Здесь важно также, что именно в этом пункте решается вопрос, как именно будет использоваться та часть схемы, которую мы трактуем недеятельно: в качестве онтологической объектной схемы или же в качестве предметной схемы.

8. В первом случае мы полагаем, что часть оргдеятельностной схемы задает нам деятельностное представление того, что мы будем считать миром объектов, и мы можем либо положить саму эту часть схемы в виде изображения объекта и тогда мы обязаны считать, что находимся перед деятельностным миром (т.е. миром деятельностных объектов),

либо же на этом изображении
строить еще другие дополнительные
объектные и предметные схемы,
вполне возможно и
недеятельностные; интересно, что
здесь возможны разные стратегии:
скажем, от деятельностной схемы,
используемой в качестве исходной
онтологии, мы идем, к примеру, к
натуралистической онтологической
схеме, а затем уже от нее к
предметной схеме
натуралистического толка (схема 3);
а можем двигаться и совсем иначе
от деятельностной схемы,
используемой в качестве исходной
онтологии, мы идем к предметной

схеме, например, фиксирующей ту или иную организованность деятельности, а от нее уже к онтологической схеме объекта, представляющей некоторый натуральный объект, соответствующий этой организованности деятельности (схема 4).

9. Во втором случае мы можем считать выделенную часть исходной оргсхемы предметным представлением (или группой предметных представлений, собранных и состыкованных друг с другом), перестраивать и развивать ее соответственно этому предположению и в зависимости от выбранной нами стратегии организации деятельности подыскивать для этого предметного

представления или группы предметных представлений соответствующую им онтологическую схему; при конфигураторно-синтезирующем подходе это будет одна онтологическая схема, при системном подходе — другая, при комплексном подходе — третья.

10. Последние замечания выводят нас к новой проблеме, имеющей исключительно важное значение. Определение типа и функциональной организации деятельности и определение типа и характера объекта деятельности (и мышления) находятся в неразрывной

связи и должны соответствовать друг другу; вместе с тем они представляют собой целостные автономные движения и, следовательно, могут осуществляться (и нередко осуществляются) независимо друг от друга. Это обстоятельство может приводить и приводит к разрыву между деятельностью и ее объектом (к разрыву между методом и объектом), хотя смысл дела всегда в том, чтобы этого разрыва не было (и именно это как требование фиксируется в гносеологической схеме «субъект-объект»).

Следовательно, при занятии той или иной позиции в оргдеятельностной схеме мы должны еще, кроме всего прочего, побеспокоиться по поводу *методологических схем, норм и технологии* достижения соответствия между деятельностью-мышлением и творимыми ими объектами.

Таким образом, именно здесь мы вновь приходим к вопросу о подходах и конституирующих их принципах, определяющих связь между объектами деятельности и самой деятельностью, в частности к вопросу о различии

натуралистического и
деятельностного подходов. Именно в
этом контексте мы должны
обсуждать вопросы о том, как тот и
другой подходы осуществляются, с
одной стороны, в предметной,
операциональной, технологической
организации мышления-
деятельности, а с другой в способах
объективации, в строении
онтологических схем и в устройстве
полагаемого за ними объекта.

Опять же попробуем рассмотреть
это по порядку.

11. Существует ли разница в
способах существования *объекта*
деятельности-мышления при

натуралистическом и
деятельностном подходах вот
основной вопрос, который мы в этом
месте должны обсуждать.

Самое главное это то, что при
натуралистическом подходе объект
считается существующим автономно,
независимо от нашей деятельности,
по законам природы и в
пространстве самой природы; он
есть объект в себе и сам по себе.

При деятельностном подходе
объект считается существующим в
деятельности и относительно
деятельности, т.е. либо внутри нее,
либо в отношении к ней, либо по
законам только деятельности, либо

по законам деятельности и материала (деятельностного и природного), т.е. как И-Е объект, либо уж по законам самого *объекта* (природным или общественно-историческим); с этой точки зрения натуралистическое представление объекта является *предельным случаем* деятельностного представления.

12. Это фиксируемое нами различие в способах существования натурального и деятельностного объекта определяет различия в способах онтологизации и объективации, практикуемых и законных при натуралистическом и деятельностном подходах.

Сначала объект существует лишь в действительности нашего мышления. Причем, всегда за счет той организации нашего мышления, которая задана схемами самоопределяющегося рефлексивного мышления; если там, скажем, объект задавался как нечто самостоятельное и независимое, противопоставленное субъекту и его деятельности, то и в действительности организуемого этими представлениями мышления объект будет существовать таким же образом. А если в рефлексивном самоопределении задавались схемы, по которым объект есть некоторая

организованность мышления-деятельности , включенная в процессы и структуры мышления и деятельности, то и в действительности соответствующего мышления объекты будут существовать в системах деятельности и по их законам.

Но здесь, вместе с тем, появляется очень тонкое различие между эпистемологическим, гносеологическим и онтологическим отношениями к объекту, которое весьма своеобразно проявляется в процессах реализации деятельности и объективации. Если вернуться к исходной схеме сферической

организации и по-прежнему
обсуждать все вопросы в
предположении, что мы занимаем
позицию II, то мы должны будем
сказать, выбрав деятельностный
подход, что объект нашего
рассмотрения, скажем, ситуация 1
или ситуация 2, является
деятельностным прежде всего
постольку, поскольку мы учитываем
включенность его в нашу
деятельность и будем рассматривать
его либо как объект познания, либо
как объект исследования, либо как
объект организации, руководства или
управления и именно в этом будет
проявляться гносеологический или

собственно деятельностный подход к обсуждению этого вопроса; а кроме того, и во-вторых, этот объект является деятельностным в силу того, что он является деятельностью и живет по специфическим законам деятельности и это будет уже собственно онтологический аспект нашей проблемы.

Таким образом, с одной стороны, принципы деятельностного подхода будут реализоваться в том, как мы будем, становясь, скажем, на познавательную точку зрения, *отделять* объект от своей собственной деятельности, придавать ему его собственную

жизнь и законы этой жизни (эффект Пигмалиона), и это будут, прежде всего, *функциональные определения объекта*, связанные с нашим пониманием природы объекта как такового и с нашими употреблениями категории объекта, а с другой стороны, принципы деятельностного подхода будут *реализоваться* в том, как мы будем строить *представления об объекте* (заполняя соответствующее функциональное место, созданное организацией нашего мышления-деятельности), и здесь начнут работать уже специфические методолого-онтологические категории

деятельностного подхода, скажем, такие, как И и Е, кентавр-объект и т.д. и т.п. (схема 5).

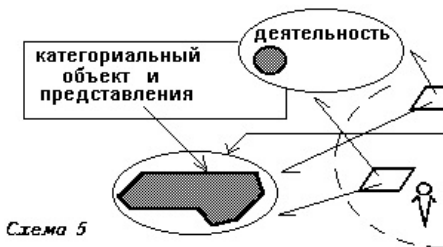

Схема 5

Здесь очень важно, чтобы наши *морфологические представления* о деятельностном объекте, реализующиеся в «прямом» естественнонаучном мышлении и исследовании, соответствовали нашим структурно-функциональным представлениям, реализующимся в

рефлексивном методологическом (в какой-то мере гносеологическом) мышлении.

А *подлинная объективация* (и в этом отличие ее от *формальной онтологизации*) предполагает единство и согласие структурно-функционального и морфологического, рефлексивного и «прямого» [представлений] в мышлении и деятельности.

Натуралистический подход, в противоположность этому, предполагает, что объект в рефлексии фиксируется, а в «прямом» представлении мыслится как независимый от деятельности,

живущий по своим собственным законам. И здесь всякое представление о каком-либо конкретном объекте точно так же должно соответствовать нашему общему категориальному представлению о натуральном объекте, а через это специфическим, познавательным и преобразовательным отношениям человека к натуральным объектам.

И в этом, собственно говоря, и заложен основной узел методологических проблем, суть которых всегда в соответствии логики и метода онтологиям, а онтологий — логике и методам.

Итак, в организации и при осуществлении исследовательского мышления и деятельности мы реализуем установку и принцип того или иного подхода натуралистического или деятельностного и должны либо иметь, либо получить представление об объекте, *соответствующее* реализуемому подходу. Если это требование выполнено, то *процедура онтологизации* имеющихся схем и представлений об объекте не будет уже формальной, а будет соответствовать возможной *процедуре объективации* .

13. Эта процедура объективации идет как бы параллельно *процедурам создания* , или *организации* , объекта. Если мы принимаем натуралистический подход, то наши представления об объекте, объединяющие рефлексивно-функциональную и морфологическую характеристики, должны соответствовать реально существующему, как мы предполагаем, объекту; при этом представление об объекте, порождаемое нашей познавательной и исследовательской деятельностью должно «выпасть» из деятельности и приклеиться к самому объекту, и

этому соответствует особая процедура «вписывания» этого представления в натуральное пространство-время; образно говоря, мы как бы переносим объект, воссозданный нашей познавательной и исследовательской деятельностью, из контекста деятельности в контекст природы, и осуществляется это за счет предположения и утверждения, что наше представление истинно (или претендует на истинность); а проверяется это утверждение затем либо с помощью эксперимента, либо с помощью практики, когда мы *собственной деятельностью создаем реальный объект*,

соответствующий нашим представлениям .

И если такое искусственное создание удастся и соответствующий объект начинает жить «сам по себе» (хотя и в контексте нашей деятельности), то в *рамках натуралистического подхода* и натуралистической методологии это может служить достаточным подтверждением и даже *доказательством правильности и истинности* наших представлений об объекте и соответственно наших процедур онтологизации и объективации.

Процедуры экспериментально-эмпирического исследования объекта схематически представлены на схеме 6.

Несколько грубовато суть всего происходящего здесь можно выразить так: сначала при онтологизации и объективации мы предполагаем, что независимо от нашей деятельности в «природе» может существовать объект, соответствующий нашему

представлению об объекте (именно здесь совмещаются И- и Е-аспекты, характерные как для мышления, так и для деятельности), а затем мы проверяем наше предположение, создавая этот объект либо экспериментально, либо практически, и на основе этого можем уже утверждать, что наше представление действительно объективно в натуралистическом смысле, ибо соответствующий объект создан и, как мы выяснили путем исследования, *действительно* существует. Таким образом, здесь мы вновь возвращаемся от *реального* к *действительному*, фиксируя в

процессе познания или исследования, что соответствующий объект вроде бы на самом деле существует.

14. Если же мы будем исходить из деятельностного подхода, то здесь сразу же возникает значительно больше вариантов, нежели в предшествующем случае. Если, скажем, мы рассматриваем какую-то материальную вещь или какой-то процесс в машинах или в городе и т.п. и с самого начала трактуем их как порождения нашей деятельности, как объекты в деятельности, деятельностью создаваемые и поддерживаемые, то сама

объективация может трактоваться, по меньшей мере, в двух направлениях: ретроспективном познавательном и проспективном созидательном. И в том и в другом случае мы уже не можем брать этот объект сам по себе, а должны брать его в деятельностном окружении, от которого зависит его существование. Здесь уже не имеет смысла обсуждать вопрос, существует ли этот объект или не существует, ибо в каждом случае он существует, если *его сделали* или *создали*. Само существование этого объекта оказывается не безусловной, а наоборот, деятельностно обусловленной истиной, и истина

такого рода уже не может подтверждаться или опровергаться тем, что мы создаем соответствующий ей объект.

Здесь, следовательно, приходится говорить, что объекты такого рода существуют, если мы можем их сделать, и тогда экспериментально-эмпирической проверке подлежат не существование или несуществование подобных объектов, а наши *возможности* или *способности их создавать* .

Иначе говоря, в этих случаях процедура объективации должна соответствовать нашим возможностям создавать объекты

такого рода, но сама эта процедура, как и процедура онтологизации, входит в процесс создания объекта и очень часто определяет саму возможность этого создания.

Поэтому осуществляя онтологизацию и объективацию, мы, по сути дела, и решаем главную проблему создания объекта, ибо показываем и доказываем возможность совместить определенный материал и определенную морфологическую организацию с функцией, т.е. функциональными признаками объекта, короче говоря, с точки зрения деятельностного подхода,

онтологизация, объективация, а затем и оестествление суть лишь звенья процесса создания и реализации объекта и как таковые являются лишь продвижениями на пути этого создания, а совсем не звеньями доказательства естественного или натурального существования этого объекта.

А подлинная суть и реальный смысл всей этой работы состоят в том, чтобы найти подходящий материал и морфологическую организацию для той *деятельностной структурной функционализации, которая стоит за понятием объекта* .

15. Но это включение «объекта» в структуры деятельности, являясь принципом деятельностного анализа в подходе к объекту, не означает еще того, что сам объект стал деятельностью; это пока лишь деятельностное рассмотрение квазинатурального объекта; морфология объекта пока может описываться натурально, меняются лишь категориальные определения и общее истолкование; мы говорим теперь об организованностях деятельности, и это специфическое выражение указывает на специфически деятельностный подход.

Вместе с тем, такая квалификация с *необходимостью* влечет за собой следующий шаг, заключающийся в кардинальной перестройке самого представления об объекте. Если выясняется, что организованность деятельности не является и не может быть самостоятельным и целостным объектом, существующим вне деятельности и независимо от деятельности, то это означает, что она не может быть объектом *естественнонаучного изучения* . Нам приходится расширять объект и обращаться к изучению собственно деятельности, разыскивая в ней

такие образования, которые могли бы быть *целостными объектами* научного изучения. Начинаем мы, естественно, с объектов естественнонаучного исследования или подобных ему.

Основным понятием, решающим эту задачу, является понятие *системы деятельности*. Собственно говоря, именно системы деятельности и только системы деятельности являются теми образованиями, которые (при определенных допущениях и упрощениях) могут удовлетворить нашим традиционным представлениям об объекте

естественнонаучного изучения и тем принципам, которые мы закладываем в понятие исследования. Поэтому задачу можно перевернуть; можно спросить, а не существуют ли в деятельности такие образования, которые могли бы удовлетворить традиционным представлениям об объекте естественнонаучного исследования, и все специфические признаки этого представления объявить отличительными формальными признаками систем деятельности. (Здесь очень важно, что организованности деятельности не могут быть объектами естественнонаучного изучения; это

не означает, что они не могут стать объектами иначе построенных исследований нужно только сформировать образцы подобных исследований.)

Именно так мы поступаем.

Другое дело, что после всего этого нужно еще найти «действительные» или «подлинные» системы деятельности, обладающие, например, автономностью жизни; но это уже совсем иные проблемы.

Таким образом, здесь в рамках деятельностного подхода к объекту мы меняем основные требования к представлениям, допускающим объективацию: если что-то

называется объектом, то это значит, что оно либо уже объективировано, либо допускает объективацию, но в рамках деятельностного представления «объектными» могут быть деятельностные представления, т.е. только представления систем деятельности могут быть непосредственно и прямо объявлены объектами, могущими существовать естественно или квазиестественно, а для всего остального надо формулировать специальные условия и ограничения. В этом контексте нам приходится обсуждать вопросы, в каком смысле существуют и могут существовать процессы

деятельности, в каком смысле существуют и могут существовать функциональные структуры и точно так же дальше для организованностей материала и для самого материала.

Но затем эта процедура как бы перевертывается и мы начинаем обсуждать вопросы, могут ли быть «объектами» процессы, функциональные структуры, организованности материала и сам материал. Суть возникающих здесь проблем опять-таки в переходе от действительности мысли к реальности деятельностного

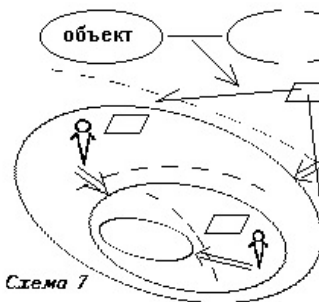
существования (или существования в деятельности).

Ведь главный вопрос здесь в том, что значит быть «объектом»: объектом в действительности мышления и объектом в реальности действия. И мы фиксируем всего два отношения. Но так как эти два отношения могут реализовываться последовательно и создавать за счет этого сложнейшие иерархические связки и склейки, то мы всегда встаем перед проблемой: с каким числом этих связок и склеек мы имеем дело в каждом конкретном случае? Если в деятельности реализуется исходная схема $S \rightarrow O$, то

нижележащая *система деятельности*

это объект, но именно потому, что она определенным образом соотнесена с нашей деятельностью, направленной на нее (схема 7). При этом мы фиксируем объект в рефлексии и благодаря рефлексии, в функциональном плане мы представляем объект благодаря мышлению и через мышление и, наконец, мы должны реализовать деятельное отношение к этой системе деятельности как к объекту. И это последнее — самая трудная проблема в анализе и описании — проявляется в организации операций и действий в практической

деятельности и, очевидно, в такой
соорганизации деятельности-
объекта, которая будет
соответствовать представлению об
этой деятельности.

Но для того чтобы эта вторая
представляемая и организуемая нами
деятельность стала реальной и
соответственно реальным объектом,
нужно, чтобы был кто-то, кто будет

ее осуществлять, и вне этого другого человека (или этих людей) эта деятельность реальным объектом не станет. Следовательно, здесь выявляется еще одна проблема, которую я до того не затрагивал, хотя она и должна была обсуждаться, проблема материала, на котором *реализуется объективное существование* систем деятельности (или, что аналогично, вещей). Иначе говоря, реализация объекта предполагает не только адекватность соответствующих представлений функциональному месту объекта в деятельности (в структуре и организации

деятельности), но и адекватность того материала, на котором это представление будет реализовываться (схема 8).

Схема 8

Здесь деятель сначала как бы *входит* в свои представления о деятельности, а затем *воплощает* в материале (другого человека) свои представления об объекте. Но хотя весь этот процесс и есть «на самом

деле» организация объекта, и в известном плане организация может быть отождествлена с конструированием объекта, тем не менее здесь происходит какое-то весьма сложное и хитрое удвоение деятельности, и в своем непосредственном воплощении деятельность организации выступает в каких-то совсем иных формах как взаимодействие, коммуникация, руководство, управление, убеждение, воспитание и т.д. и т.п. И во всех этих взаимодействиях и в коммуникации этот момент *организационного отношения к объекту* попросту исчезает, он

заменяется другим
межличностными и
межиндивидуальными отношениями.

Следовательно, реализация
деятельного отношения к объекту в
процессе деятельности над
деятельностью весьма сложна и
вызывает множество затруднений.
Объясняется это тем, что человек как
носитель определенных структур
деятельности отождествляется с
человеком как *определенной*
личностной организацией . Если мне
надо организовать какую-то
деятельность, то я отношусь к людям
как носитель ее, а не как личность,
хотя я все время должен считаться с

тем, что они-то являются также и личностями (тонкими и возвышенными).

Обсуждение этой коллизии составляет предмет многих романов. «Человек из Афин» Георгия Гулиа только один из примеров этого.

Таким образом, реализация объектного отношения в деятельности над деятельностью предполагает очень сложный идеальный, надбытовой план, в котором объектами являются именно системы деятельности, а не случайные материальные и морфологические организации, входящие в материал деятельности. И

ЭТИ СИСТЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
действительно *должны стать*
объектами деятельности
организационной, управленческой,
исследовательской, может быть, даже
проектной. И это есть подлинная,
реальная проблема — отделение
деятельности в качестве объекта
другой деятельности от
межчеловеческих взаимодействий и
общения.

И чтобы это действительно
произошло, надо иметь, во-первых,
соответствующие наборы
представлений о деятельности, во-
вторых, методологические,
технологические и логические

представления и средства,
позволяющие реально строить и
осуществлять те деятельности,
которые могут сделать другие
деятельности своим объектом.
Именно в этом заложен узел
подлинных проблем, связанных с
реализацией (реализация есть
синоним осуществления)
деятельности над деятельностями:
чтобы сделать деятельность
объектом своей деятельности, надо
увидеть ее в качестве объекта, а это
не так просто... Но объективация
представлений о деятельности всегда
есть лишь аналог и имитация того,
что происходит при построении и

осуществлении, т.е. *реализации*, деятельности над деятельностью.

Итак, *объективировать* это значит привести онтологизируемые представления на пересечение мышления и деятельности, что достигается за счет соответствия:

- 1) морфологических представлений,
- 2) функциональных требований объектности и 3) поведения материала (схема 9). При этом все три составляющие создаются нашей деятельностью и существуют через деятельность, а следовательно, взаимосогласование их зависит, в первую очередь, от взаимосоорганизации всех

соответствующих деятельности
(разработки представлений об
объекте, функциональной
организации собственного мышления
и деятельности, выделяющей в них
место объекта, практической
организации материала и
руководства или управления его
поведением, обеспечивающего
намеченную организацию), во
вторую очередь, это зависит от
поведения материала.

Хотя каждая из названных
деятельностей подчиняется своим
особым культурным нормам и в
этом плане обладает инерцией все
эти деятельности могут
перестраиваться и подстраиваться
друг к другу; и в этом, собственно
говоря, и состоит смысл их
соорганизации. Но практическая
деятельность организации связана не
только своими нормами, но и своим

непосредственным отношением к материалу, и в этом плане ее можно считать более связанной, нежели другие деятельности. Поэтому анализ их сложных связей и взаимозависимостей надо начинать, наверное, с фокусировки именно на организационно-управляющей деятельности. В ней, в ее технологии и механизмах, заложен ключ к пониманию объективации в социотехнических деятельности; иначе говоря, очерчивать объект и производить объективацию здесь нужно в соответствии с механизмами и технологией в организационно-управленческой деятельности.

Только затем мы сможем перейти к анализу форм и способов функционализации и функциональной организации в оргуправленческой деятельности, а еще дальше к определению и формулированию категориальных требований к представлению объекта.

Таким образом, сначала надо *описать* объективацию в оргуправленческой деятельности, затем объектную *функционализацию* при рефлексивном самоопределении в этой деятельности и, наконец, *конструирование представления об объекте*. И все эти деятельности

должны быть описаны нормативно и на уровне нормативных описаний взаимно согласованы друг с другом. Это будет линия искусственного формирования осмысленных и содержательных процессов объективации в социотехнической деятельности и мышления. А в каждом конкретном случае такого мышления и такой деятельности процессы будут идти, конечно, в обратном порядке: сначала мы будем строить представления об объекте, потом онтологизировать их, осуществлять формальную объективацию, мысленно прикидывая схемы к материалу,

проверять, таким образом,
возможность реальной объективации
их и только после всего этого
пытаться включить их в реальную
оргуправленческую деятельность.

При этом, чтобы осуществить
всю эту конкретную работу, нам
понадобятся еще многие
специфические мыслительные
средства и знания, в частности
знания о том материале, с которым
мы имеем дело, о законах и
механизмах его жизни, возможностях
его организации для осуществления
(или обеспечения) определенной
деятельности, возможностях
спонтанного и противодействующего

нам поведения материала и т.д.
Значительная часть всех этих средств и знаний будет относиться уже к *условиям* реализации наших объектно-организационных схем на данном материале, т.е. к взаимоотношениям и взаимосвязям между нашим *объектным представлением* (тесно связанным с нормативным представлением деятельности) и материалом, на котором мы должны реализовать это объектное представление (схема 10).

Схема 10

И все это должно быть органически связано с методологией и технологией оргуправленческой деятельности, следовательно, с представлениями об этой методологии и технологии.

Таким образом, здесь мы непосредственно выходим ко всем вопросам о том, что же будет представлять собой *организованный нами деятельностный объект*. Ибо организованный объект а это всегда

определенная *система деятельности* является объектом совершенно особого типа, он имеет совершенно особое строение (или устройство), живет по своим особым законам и нормам, требует совершенно особых средств, процедур и методов описания и т.д. И относительно этого объекта мы точно так же должны проводить три взаимодополняющие друг друга процедуры фиксации и описания: 1) функциональную относительно той системы деятельности, в которой он является объектом, 2) морфологическую объединяющую планы И- и Е-существования объекта, и

3) материально-субстратную соответствующую формам и способам жизни материала объекта.

Во всех случаях мы должны будем вписывать эти представления об объекте в какие-то более широкие, объемлющие объект системы и пространства. Поскольку речь идет о системах деятельности как объектах нашей деятельности, во всех трех случаях такими объемлющими системами будут те или иные системы деятельности.